

рода” весной – летом 1917 г. имел серьезное значение для последующей эпохи, потому что в ходе революции “под вопрос ставилась легитимность претензий кандидата на роль вождя, но не принципы легитимации через прославление вождя... Сам принцип вождизма под вопрос не ставился” (С. 502).

В заключение отметим, что автор анонсировал в качестве предмета исследования изучение укрепления и ниспровержение “культы Керенского”, однако рецензируемая монография охватывает лишь первое полугодие 1917 г., т.е. только период формирования этого культа. Поскольку Б. И. Колоницкий в ряде публикаций анализирует весь период нахождения А. Ф. Керенского у власти, можно надеяться на продолжение исследования “культы Керенского”, теперь уже посвященного теперь уже его разрушению и ниспровержению. Безусловно, эта тема может привлечь внимание как профессиональных историков, так и широкого круга читателей, интересующихся историей России.

Игорь ОРЛОВ

Александр Резник. Троцкий и товарищи: левая оппозиция и политическая культура РКП(б), 1923–1924 годы. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. 382 с. Указатель имен. ISBN: 978-5-94380-224-9.

“Верная оппозиция ее величества Партии”

Вынесенная в заголовок фраза из десятой (можно сказать, юбилейной) книги серии “Эпоха войн и революций” издательства Европейского университета в Санкт-Петербурге весьма точно отражает сущность левой оппозиции 1923–1924 гг. и, в более широком смысле, основного принципа внутрипартийной борьбы в большевистской партии.

Монография Александра Резника представляет историю “троцкистской” оппозиции не только как борьбу за власть среди большевистского руководства, но и как широкое движение партийных низов (в том числе, в регионах) за демократизацию режима правящей партии. Молодой петербургский историк после реконструкции общего контекста внутрипартийной дискуссии (Глава I “Борьба за власть”), ставит ряд ключевых вопросов: “чем была оппозиция?” (Глава II “Троцкий и оппозиция”),

“как она действовала?” (Глава III “Технологии политической борьбы”) и “где она располагалась?” (Глава IV “Топография оппозиции”).

Сразу хочется отметить, что, несмотря на весьма неудобное размещение примечаний в конце книги (впрочем, это упрек издателю), научно-справочный аппарат (особенно обширные ссылки) представляет собой отдельный научный продукт. К плюсам структуры книги следует отнести наличие хроники (С. 350-352), которая определяет временные рамки исследования – от сентябрьского (1923 г.) Пленума ЦК до XIII съезда партии в конце мая 1924 г., а также списка сокращений и указателя имен. Стоит приветствовать и то, что автор не ограничивается обзором архивных фондов и коллекций по теме исследования, а дает характеристику содержащимся в них документам.

В содержательном введении (как, впрочем, и в основном тексте) А. Резник излагает основные принципы своего исследования, которые можно суммировать в десяти пунктах.

1) Автор выступает против сведения истории СССР и компартии к проблемам борьбы за власть и “тоталитаризма”. По его мнению, история оппозиции не исчерпывается борьбой за власть,

завершившейся со смертью В. И. Ленина (С. 80).

2) Он предлагает рассматривать историю оппозиции “в широком смысле”, как историю политической культуры большевистской партии и, одновременно, как историю политики на переломном этапе советской истории.

3) Внутрипартийная борьба рассматривается в книге исходя из понимания политики как процесса “взаимодействия практик”.

4) А. Резник предлагает собственную историографическую схему, разделяя всю предшествующую историографию проблемы на три основных подхода: “текстоцентризм” (первоочередное внимание к программным и официальным документам), “центроцентризм” (фиксация на борьбе за власть столичных политических элит) и “троцкоцентризм” (восприятие деятельности Л. Д. Троцкого как концентрированного воплощения всего феномена левой оппозиции).

5) Логика исследования (рассмотрение предпосылок возникновения оппозиции, ее деятельности и причин поражения) определяет выбор методологического инструментария. Попытка написать антропологическую политическую историю или “политическую антропологию оппозиции 1923 года” опирается на концепцию “классового сознания”

как опыта социальных и политических отношений, наделяемых смыслами самими представителями низовых социальных слоев.

б) Деконструкция политического языка и выявление дискурсивных практик преследует цель показать “субъективность участников дискуссий”.

7) В качестве ключевой категории используется понятие “политическая культура”, поскольку она “лучше всего представляет широкое понимание политики”. Правда, в книге она используется в расширенном значении: к классическому определению, сводящему политическую культуру к ценностям, ожиданиям и неявным политическим правилам, автор добавляет деятельную сторону взаимодействия – политические практики.

8) А. Резник отказывается от ранжирования типов информационного и социального пространства, отбрасывая дихотомии открытого и закрытого, верхов и низов, формального и неформального, обращаясь к феноменам слухов и секретности, клиентелизма и дружбы.

9) Исследование затрагивает инструментальную проблему культуры и прагматики эмоций в политической борьбе.

10) Оппозиция рассматривается как политическая общность и, одновременно, многообразие

локальных политических практик (С. 9-10, 14, 18-19).

В этой детально проработанной исследовательской модели явно и сознательно проигнорирована проблематика экономики и внешней политики. Эта избирательность, конечно, – право автора, однако экономические вопросы (кризис сбыта, ножницы цен, теория “первоначального социалистического накопления”) и внешнеполитическая проблематика (прежде всего, провал революций в Германии и Болгарии) являлись не просто частью контекста политической дискуссии, но и ее центральными темами. Более того, именно рассмотрение влияния этой проблематики на формирование и деятельность левой оппозиции могло бы обосновать тезис автора о том, что внутрипартийный конфликт 1923–1924 гг. не сводился к “драке пауков в узкой партийной банке” (по образному выражению Н. Валентинова). Да и сам А. Резник констатирует, что этот конфликт заключался в публичном противостоянии двух политических подходов к вопросам внутрипартийного режима и экономической политики. Более того, именно проблема руководства партией, государством и экономикой, по его убеждению, стала причиной раскола партии в 1926–1928 гг. (С. 256).

В первой главе автор поднимает ряд принципиальных проблем: о последствиях стремления к единству партии “для судьбы советского проекта” (С. 21) и о “борьбе за прошлое” (говоря современным языком, о политике памяти) как “одной из основных форм политической деятельности внутрипартийных оппозиций” (С. 41). Но при этом, к сожалению, он “сглаживает” связь между возникновением левой оппозиции и острым социально-экономическим кризисом в стране (С. 26).

Представляет интерес реконструкция в главе предыстории и обстоятельств подготовки опубликованной 7 декабря 1923 г. в “Правде” резолюции “О партстроительстве”. Нельзя не согласиться с автором, что эта резолюция, по сути, была договором о признании “различных тенденций” в партии и определенной уступкой со стороны правящей “тройки”. Но очевидна и принципиальная разница проявившихся позиций по вопросу трансформации партийного режима: внутрипартийная реформа или внутрипартийная революция? Впрочем, публичное противостояние стало неизбежным только после публикации “Нового курса” Л. Троцкого (С. 53-54, 57).

Автор убедительно развенчивает ряд сложившихся стереотипов, уходящих своими корнями

в период самой дискуссии. Например, в силу персонификации политического противостояния, сложилось представление о дискуссии как верхушечной борьбе за власть между И. Сталиным, Л. Троцким и Г. Зиновьевым, а принципиальные вопросы “начали ускользать” от внимания как ее участников, так и исследователей. Говоря о механизмах проведения дискуссии, А. Резник справедливо отмечает, что выступления в печати не могли заменить “живого присутствия” на дискуссионных собраниях, тогда как “сил офицерского состава оппозиции было недостаточно”. Более того, курс “Правды” на ограничение публикаций оппозиционеров способствовал тому, что их аргументация “не всегда звучала убедительно”. Автор также деконструирует распространенные представления о том, что политорганы армии во главе с В. Антоновым-Овсеенко организованно поддерживали оппозицию. Кроме того, в силу того, что Троцкий проболел до апреля 1924 г., по мнению историка, “подлинными глашатаями оппозиции были в первую очередь Преображенский и Сапронов” (С. 63, 65, 79).

Вторая глава, помимо реконструкции событий, затрагивает важные концептуальные вопросы, касающиеся политического прагматизма и политической ком-

муникации (ее механизма и ограничений) в коммунистической партии. В этом отношении для автора особенно показательной является дискуссия по вопросам быта, протекавшая на границе с политической дискуссией.

Поднимая важную проблему формирования и разрушения авторитетов в партии, А. Резник полагает, что для внутрипартийной борьбы образы Ленина и Троцкого впервые приобрели центральное значение только в 1923–1924 гг. (С. 101–102). Впрочем, доказательств этого тезиса в книге не приводится. Кроме того, потребность в опоре на авторитет явно была принципиально разной до и после смерти Ленина. Очевидно также, что уже к началу дискуссии авторитет Троцкого среди партийной элиты начал постепенно снижаться. Вряд ли главной причиной этого снижения можно считать переход от военного к мирному времени (автор и сам не отрицает возможного влияния иных факторов) (С. 103). Если судить по динамике голосования на выборах в ЦК РКП(б), довольно существенное снижение произошло между XI и XII съездами партии (апрелем 1922 и апрелем 1923 гг.). То есть начало падения авторитета “демона революции” совпадает с занятием И. Сталиным поста генсека, а материалы XII партийного съезда демон-

стрируют консолидированную позицию “триумvirата”. Поэтому открытым остается вопрос о роли целенаправленной работы “тройки” по дискредитации Л. Троцкого еще до начала дискуссии.

Представляется вполне убедительной реконструкция автором “экспроприации авторитета” Троцкого после смерти Ленина, последнюю точку в которой поставила “литературная дискуссия” 1924 г. (С. 114–117). К снижению популярности председателя РВСР привел целый ряд факторов: “ленинский призыв” и чистка непролетарских парторганизаций; “спуск революции” и конкретные практики инструментализации “личных образов” (в том числе, “неправильное” использование своего авторитета самим Львом Давидовичем); гетерогенность оппозиции и, прежде всего, ее “социально-классовый профиль”, позволявший играть на противопоставлении интеллигенции и рабочих. Отмечая, что “символический капитал вождя не был их частной собственностью, но принадлежал всей партии”, Резник показывает, как постепенно шло “символическое обесценивание” образа Троцкого (С. 112–113, 119, 126). Вопреки утвердившемуся в литературе мнению о роли политического клиентелизма в партии (в том числе и среди оппозиции), он считает “патронажные сети оп-

позиции” слабыми или даже вовсе отсутствовавшими. Основой оппозиции служил не клиентелизм, а “прошлая и настоящая дружба” (С. 130–132, 138).

В начале третьей главы автор предложил сравнивать внутрипартийную дискуссию в СССР с острыми правительственными кризисами западных демократий того времени, но с поправкой “только для членов партии” (С. 143). В качестве доказательства Резник ссылается на ситуацию с принятием резолюции “О партстроительстве”, открывшей возможность “партийного парламентаризма”. Однако, по его собственному совершенно справедливому уточнению, это противоречило принципам антипарламентаризма, зафиксированным в Программе партии и политической риторике тех лет. Даже Троцкий в своих статьях избегал метафор парламентаризма, делая упор на “избрании” аппарата партийцами (С. 143–145).

В этой двусмысленной ситуации внутрипартийная борьба подчас воспринималась как своеобразная “предвыборная кампания”, которая велась на низовом уровне в форме перевыборов бюро партячеек. По итогам голосования оппозиция практически нигде не получила большинства. Формальные демократические практики (контролируемые вы-

боры) способствовали разгрому оппозиции и легитимации господства партаппарата. Дело в том, что политический конфликт воспринимался коммунистами, прежде всего, через шаблон “борьбы за власть”. Кроме того, победил политический прагматизм: низовые организации голосовали против самого принципа дискуссионности, разрушительного, по мнению большинства, для партии (С. 152–153, 155, 157, 159–160, 264).

Еще одна историографическая новация Александра Резника связана с анализом роли и значения неформальной коммуникации (особенно слухов), подрывавшей “нормальный” ход дискуссии. Удельный вес слухов преобладал над документами в силу выстраивания “тройкой” и ее сторонниками “глухих стен” в коммуникации между партийцами разных уровней и регионов. Так как в распространении секретных документов и слухов обвинялись, прежде всего, оппозиционеры, ограниченные в своих публичных выступлениях, то осуждение партийцами нарушений “информационной чистоты” играло на руку большинству ЦК (С. 161, 164, 171).

Вводя понятие “конфликт” в качестве категории анализа, автор, используя материалы ЦКК, губернских и районных контрольных комиссий, акцентирует внимание на “конфликтных действи-

ях” и на отношении к конфликту, особенно со стороны оппозиции. Он дополняет свою модель еще одной составляющей – эмоциями, которые называет “всепроницающими ‘токами’ внутрипартийной борьбы”. В книге приводятся факты сознательного конструирования “эмоционального режима на основе разных эмоциональных стилей” на партийных собраниях всех уровней. Обоснование политической позиции психоэмоциональной нормой проявилось в аргументации сторонников ЦК партии против “лихорадки” бесконечных дискуссий, объясняющей “страстность” мелкобуржуазностью и противопоставляющей ее “разуму” единой партии (С. 175-176, 191-192, 194, 199, 203).

Поднятый в четвертой главе вопрос о топографии оппозиции осложняется отсутствием систематизированной и всеобъемлющей статистики оппозиционности. Еще больше путаницы в этот вопрос внесла газета “Правда”, конструировавшая искаженную воображаемую карту оппозиции. Однако решающим фактором поражения оппозиции все равно стали итоги борьбы в Москве. На местах же в целом был очевиден высокий уровень лояльности линии большинства ЦК. Дело было в асинхронности политических процессов в центре и в провинции: дискуссия на местах шла

с опозданием и под давлением событий в столице. Кроме того, “разметка всего политико-географического пространства внутрипартийной борьбы” носила дискриминационный характер в силу классового дискурса. Существовавшее деление ячеек на 4 категории (рабочие, служащие, студенты и красноармейцы) оказалось выгодным для сторонников большинства ЦК, так как на фоне служащих или студентов “класс-гегемон” оказывался “более политически конформным”. В довершение всего, оппозиция проигрывала на информационном фронте, вяло оспаривая картографию соотношения сил, формируемую “Правдой” в рамках специфического шаблона сообщений о ходе внутрипартийной борьбы, очищенных от какой-либо конкретики – так что даже успехи оппозиции в столице и в регионах недостаточно акцентировались (С. 204-205, 225).

В заключении монографии автор возвращается к посылу о наличии “двух оппозиций” (вождей и масс) и об ошибочности отождествления оппозиции лишь с фрондирующим “офицерским составом” партии. Оппозиционеры были, в первую очередь, “политиками-революционерами”, а оппозиция верхов представляла собой гибкую коалицию вчерашних оппонентов, сгруппировавшихся

вокруг программы реформирования внутрипартийного режима и хозяйственной политики. В широком смысле оппозиция представляла “внутрипартийную тенденцию”, сторонников которой ситуационно объединяло критическое отношение к политике партии и поддержка “демократизации” внутрипартийного режима. Свой тезис об “абстрактности” оппозиции 1923 года Резник мотивирует отсутствием у нее “полноценной фракционной организации”, а также тем, что программные заявления вождей оппозиции “отражали конфигурацию политической культуры большевизма”, которая могла быть близка и членам партии, ее не поддерживавшим (С. 256-258).

Автор считает, что, несмотря на радикализм децистского крыла оппозиции, риторика и практика высшего эшелона оппозиционеров в целом была ориентирована на компромисс и реформу. В то же время, природа низовой оппозиции была более сложной, так как ей приходилось делать выбор “в ситуации неопределенности, усугубленной информационной глухотой” (С. 259). Однако трудно согласиться с автором, что оппозиция 1923 года “концентрировалась почти исключительно на политических вопросах” и “игнорировала специфические интересы рабочих и профсоюзных

активистов” (С. 261). Достаточно сказать, что лидеры бывшей “рабочей оппозиции” были скорее на стороне оппозиции, нежели сторонников “тройки”.

Весьма абстрактно (пусть и красиво) звучит фраза о диффузном характере “политического тела” оппозиции (С. 261). Возможно, эта формула обобщает сформулированные автором основные черты оппозиции: 1) “‘троцкизм’ был частью левой оппозиции, но оппозиция не была ‘троцкистской’”; 2) редкость конфликта с принципом “единства” партии и дисциплинированное подчинение решениям партийных форумов (“своеобразный партийный патриотизм”); 3) странственная и политическая разобщенность оппозиционеров (С. 262, 264).

В силу того, что информация об успехах оппозиции была “не просто дефицитным, но и ‘контрафактным’ товаром на политическом рынке”, представления о ней и ее удельном весе формировались ее противниками. Оппозиционеры проиграли “во вполне конкретным правилам политической игры”, так как их противникам удалось сформулировать ясные лозунги, мобилизовать низовую поддержку, обеспечить охват регионов и контроль над печатью, а также успешную презентацию собственных успехов.

Отсюда вытекают далеко идущие выводы о переформатировании политической культуры правящей партии вообще и ее аппарата в частности. К сожалению, вместо полноценного анализа произошедшей трансформации, автор ограничился философским наблюдением: “время оппозиции стремительно убегало”.

Приведенные замечания указывают на возможности сделать исследование еще более убедительным и глубоким, не до конца использованные автором. Тем не менее, можно признать, что книга А. Резника стала важным научным явлением на фоне многочисленной литературы последних лет, посвященной политической истории XX столетия.

Павел ДЯТЛЕНКО

XX век: Письма войны / С. Ушакин, А. Голубев, сост., вступ. статья, ред.; Е. Гончарова, И. Реброва, подготовка документов. Москва: Новое литературное обозрение, 2016. 839 с., илл. ISBN: 978-5-444-80571-8.

Военные письма как свидетельство вооруженных конфликтов ушедшего века

Рецензируемый сборник стал важным научным событием для русскоязычной науки. Он посвящен анализу разных аспектов военной корреспонденции, написанной в течение XX века, и включает большое количество самих военных писем. В этих письмах отразились вооруженные конфликты целого столетия, начиная с англо-бурской войны в Южной Африке (1899–1902) и кончая второй чеченской войной на Северном Кавказе (1999–2009). Участие в создании книги приняла большая международная команда исследователей. Как пишут сами составители, письма для сборника собирались в течение примерно пяти лет – из частных коллекций, архивных и музейных фондов, редких публикаций.

Сборник разбит на ряд тематических разделов, предваряемых небольшими введениями разных

авторов. Перечислю их, указывая в скобках авторов соответствующих разделов: “Военное дело” (Елена Рождественская), “Деньги войны” (Елена Гапова), “Военный быт” (Ирина Реброва), “Гнет войны” (Дмитрий Мордвинов), “Военное довольствие” (Полина Барскова), “Штамп войны” (Йохен Хелльбек), “Военные донесения” (Александр Чашухин), “Гнев войны” (Ольга Никонова), “Военнопленные” (Андрей Заярнюк), “Романы войны – I” (Мария Литовская), “Романы войны – II” (Константин Богданов), “Мать военнообязанного” (Елена Барбан), “Утраты войны” (Ирина Сандомирская).

Эта структура разделов не была заложена в программу проекта с самого начала и оформилась лишь в ходе длительного кураторского отбора. Как сообщают во введении составители сборника Сергей Ушакин и Алексей Голубев:

...Финальный список тем возникал постепенно, в ходе многократного чтения и обсуждения корпуса собранных текстов. Готовый материал был предложен авторам разделов для комментариев. Следуя общей установке, мы сознательно не ограничивали авторов введений в их подходах и формах анализа, оговаривая лишь общую тему

конкретного раздела. В определенном смысле этот методологический карт-бланш был своего рода экспериментом, нашей попыткой увидеть, какие отклики и какие идеи могут возникнуть у читателя этих не-похищенных, но вырванных из своего родного контекста писем (С. 20).

Таким образом, предполагая, что изначальный отбор писем не оказал влияния на характер собранных документов и скрытые в них смыслы раскрывались лишь в дальнейшем, в ходе “вчувствования” приглашенных авторов разделов, составители сборника выразили уверенность в аутентичности передачи и понимания голосов авторов военных писем:

“XX век: Письма войны” – не архив документов. Скорее это своеобразная текстуальная выставка, это тематически организованная экспозиция документального материала, не лишенная, впрочем, своей специфики. Экспозиция писем в данном случае – это еще и экс-позиция письма, своего рода демонстрация дискурсивной археологии исчерпавшего себя эпистолярного жанра. Предложенные выше подходы к анализу военных писем по-